

На этот раз, хотя Цэнь Цзибай и был ранен, раны оказались несерьёзными, и дело не приобрело большого размаха. Канцлер Сун и Великий воевода Чжоу Мубан кое-как уговорили правителя. Хотя пострадал принц, нельзя же было казнить десятки тысяч беженцев под Линъяном — ограничились тем, что выдворили их за пределы города.

Цэнь Цзибай и Сун Сяоси тоже присутствовали в тронном зале. Услышав о казнях, Сун Сяоси, не выдержав, потянул за рукав Сун Чжияо и прошептал:

— Они ведь тоже несчастные... У них нет еды...

Маленький господин Сун никогда не знал голода, но ему казалось, что не получить еды, когда хочешь есть, — это очень тяжело.

— И среди них есть совсем-совсем маленькие дети...

Сун Чжияо погладил его по голове, внутренне вздохнув. В вопросах политики нынешнему ему не подобало высказываться. Он мог лишь ждать, когда его отец, канцлер Сун Вэй, предложит решение.

Канцлер ещё не успел заговорить, как Великий воевода Чжоу выдвинул свою идею: среди беженцев можно отобрать крепких и отправить в армию, а старых и слабых — прогнать. Он полагал, что это уже проявление великой милости.

Цэнь Цзибай, уже знакомый с его абсурдом по прошлой жизни, ничего не мог сказать, будучи ребёнком. Он лишь перевёл взгляд на канцлера Суна.

Канцлер, поглаживая бороду, произнёс:

— Землетрясение произошло в Цичжоу, местные власти не справляются. Столица должна оказать помощь.

Эти слова повисли в гробовой тишине зала.

Все знали, что под стенами Линъяна скопились беженцы. И все знали, что у правителя Ся нет ни денег, ни зерна для помощи — ни Малая казна, ни хранилища управителя дворца не могли похвастаться излишками. Нынешний правитель Ся, не обладая иными талантами, тратил казну так, как не смогли бы и десять его предшественников вместе взятые.

Стало быть, помощь могла исходить лишь от знатных семей, которые должны были пожертвовать серебро и продовольствие. Но чужое добро на ветер не бросают — раздать милостыню у ворот было одно дело, а вот отправлять ресурсы в провинцию, где местные чиновники непременно их разворуют, совсем другое. Жертвовать своё, чтобы обогатить других, никто не хотел.

Потому все и помалкивали. Даже если такие, как канцлер Сун, и заговаривали о проблеме, общее мнение в зале сводилось к тому, что стоит подождать, и беженцы сами уйдут.

В то время правитель Ся искренне так считал. Он не представлял себе истинных масштабов бедствия, а если под стенами и собрались тысячи людей — что ж, они рано или поздно разойдутся, как разлетаются серебряные монеты от взмаха руки.

Лишь после происшествия с Цэнь Цзибаем и Сун Сяоси правитель Ся обратил на это внимание. Сун Чжияо не отступал, требуя решения, иначе как его маленький племянник сможет впредь

выходить за ворота дворца?

Споры в зале, судьба царства — всё это меркло перед гневом прекрасного фаворита.

Оставить нельзя, прогнать нельзя — оставалось только оказать помощь.

Госпожа Чжоу и госпожа Юй, изображая добродетель, послали доложить правителю Ся, что готовы сократить свои дворцовые довольствия наполовину на три года.

Правитель Ся, после конфискации имущества семьи Фан, выделил половину оставшихся средств.

Прочие в зале тоже понемногу расщедрились — слишком уж мелкие суммы были бы неприличны.

Так в столице начали раздавать похлёбку и кашу.

Правитель Ся отправил чиновников в Цичжоу для размещения беженцев. Поскольку после бедствий часто случаются эпидемии, с ними отправили и множество лекарей, включая часть персонала Императорской медицинской академии. Поскольку знатные семьи вложили средства, они зорко следили за расходованием, и ответственные чиновники, не смея воровать, старались добросовестно выполнять свои обязанности на местах.

Естественно, чей-то голове предстояло ответить за гнев правителя. Правитель области Цичжоу вместе с толпой управляющих и помощников уездных начальников лишились голов. При назначении новых чиновников Сун Чжияо также посоветовал канцлеру Сун Вэю провести несколько угодных ему кандидатов.

В день происшествия городская стража отправила отряд на равнину Суйлэ. Двое слуг Цэнь Цзибая были зарублены.

Кошельки Цэнь Цзибая и Сун Сяоси давно стащили, даже парчовые занавески с повозки сорвали и унесли. Лишь Чернильный, испуганный, умчался прочь, но позже сам вернулся в Линъян и добрался до дворцовых ворот.

Кто-то из зорких стражников узнал коня молодого господина Суна и поспешил доложить в Чертог Вэйлань.

Сун Сяоси, обняв вернувшегося Чернильного, проплакал от радости добрую половину дня. С тех пор никакой Серебряный Иней или Белый Снег не могли сравниться с его Чернильным.

Незаметно наступил май, и огненные цветы граната засияли ещё ярче.

Клановая школа семьи Линь, хотя и располагалась в их усадьбе, имела отдельный вход.

У старых, уважаемых семей школы были не только для своих. Помимо многочисленных ветвей основного рода, там учились и отпрыски новых дворянских семей, примкнувших к ним, у которых не было достойных учителей. Для удобства такие школы устраивали в отдельных дворах с собственными воротами.

Вообще, такие школы, как у семьи Линь, были частью системы связей и протекций среди чиновников, что изрядно тревожило правителей Ся всех поколений.

Изначально Великая академия не была исключительно царским учреждением — дети

чиновников, пройдя отбор, тоже могли туда поступить. Существовали также государственные и частные школы.

Но Великая академия не могла вместить всех, а государственные школы подавляли частные. В конце концов частные школы запретили, и государственные остались в одиночестве.

Однако школы, управляемые чиновниками, погрязли в коррупции, между чиновниками и учителями постоянно возникали трения, да и царство Ся то и дело страдало от войн и бедствий, а казначей всё жаловался на пустую казну. В итоге государственные школы пришли в упадок. Образование детей стало заботой самих семей.

Знатные семьи, с их глубокими корнями, могли организовать обучение куда лучше, чем рядовые чиновники. Правитель Ся не мог запретить им давать своим отпрыскам лучшее воспитание — в конце концов, это были будущие слуги царства.

Линь Цзиня вызвали из класса, и, выйдя, он увидел Цэнь Цзибая в белом одеянии, расшитом крупными узорами из переплетающихся ветвей, цветов и птиц. Тот стоял под гранатовым деревом и смотрел на цветы.

Дети в Линъяне были все как на подбор — белокожие, румяные, похожие на нефритовые фигурки. Даже такие выдающиеся, как Сун Сяоси или Линь Сюнь, — всё те же нежные фарфоровые личики, ясные светлые глаза, радующие взгляд, когда они веселы, и вызывающие умиление, когда печальны. Лишь Цэнь Цзибай носил на себе печать некой отстранённости, которую было трудно преодолеть.

И во дворце, и за его пределами говорили, что третий принц — самый добродушный. Но Линь Цзинь с детства чувствовал: Цэнь Цзибай улыбается, но улыбка его далёкая, призрачная, ненастоящая.

А уж тот, что стоял сейчас перед ним, даже не пытавшийся улыбнуться Цэнь Цзибай, был и вовсе отчуждённым.

Подул ветер, и алые лепестки, осыпаясь, накрыли Цэнь Цзибая, словно искры, готовые его воспламенить.

Цэнь Цзибай тоже думал об огне. О большом пожаре.

Он протянул руку и поймал падающий цветок граната — ослепительно-яркий, как маленькое пламя. Цэнь Цзибаю показалось, что он обжигает пальцы, и он поспешил стряхнуть его.

Эта мгновенная испуганность заставила сердце Линь Цзиня неприятно сжаться.

— Третий брат, — окликнул его Цэнь Цзибай, заметив Линь Цзиня.

Решил он: раз не получается иначе, так и буду звать. Привыкнет Линь Цзинь — и ладно. Но, окликнув, он не знал, что сказать дальше. Линь Цзинь выглядел недовольным, хотя Цэнь Цзибай думал, что в последнее время тому должно быть радостно.

— Третий принц, что привело вас? — спросил Линь Цзинь недоумённо.

Он не понимал, зачем Цэнь Цзибай пришёл к нему. С того дня на равнине Суйлэ они больше не виделись.

Это расходилось с ожиданиями Цэнь Цзибая. Он думал, Линь Цзинь, как и Линь Сюнь, должен быть в хорошем настроении и, увидев его, обрадуется.

Шэнь Лан, путешествующий лекарь, постучал в ворота усадьбы Линь — ведь второй сын этой семьи давно болел, и за его излечение была назначена награда.

Цэнь Цзибай всего лишь попытал счастья, но Шэнь Лан заявил, что если Линь Ду будет под его наблюдением несколько лет, то полностью поправится.

Вся семья Линь ликовала. Именно поэтому Цэнь Цзибай и нашёл в себе смелость предстать перед Линь Цзинем и назвать его «третьим братом».

— А где Сюнь? — спросил Линь Цзинь.

Сегодня в Великой академии тоже были занятия. Неужели Цэнь Цзибай сбежал?

Цэнь Цзибай и вправду сбежал. Госпожа Чжоу, обнадёженная Сусинь, которая расписала ей эти надежды как нечто близкое и достижимое, теперь, вероятно, втайне мечтала, чтобы её сын предался праздности и забросил учёбу. Поэтому Цэнь Цзибай прогуливал занятия без зазрения совести — чтобы успокоить мать и отвлечь её внимание от себя.

Но теперь с ним не было Цин Цзюня и Син Иня. После происшествия на равнине Суйлэ разгневанный правитель Ся выделил ему двух молодых гвардейцев, лет шестнадцати-семнадцати. Цэнь Цзибай дал им забавные имена — А Цзинь и А Инь. Звучало радостно. Сун Чжияо проверил их происхождение и припугнул как следует — теперь их жизни и смерти были в его руках.

<http://bllate.org/book/15933/1423930>